

**Проповеди
митрополит Сергей (Ляпидевский)**

Грехопадение Петрово. Слово в Великий пяток

«И изшед вон, плакася горько» (Мф.26:75).

Иисус Христос, после как был предан, первоначально приведен был во двор первосвященников иудейских. Туда последовал за Ним и апостол Петр, но стараясь скрывать себя. Здесь то служанки, то слуги стали делать ему вопросы – не ученик ли он Иисуса Назорея. Петр отрицался, уверял, что и не знает сего человека, и говорил неправду. Но вскоре запел петух; по сему признаку он вспомнил, что предрек ему Спаситель, и, удалившись, оплакивал горько свое грехопадение.

О сем обстоятельстве повествуют все четыре евангелиста. Для чего же это? Почему нужно было, чтобы для христианского мира сохранилось сказание о грехопадении верховного Апостола?

Надобно было нам это знать, чтобы видеть силу Божию и немощь естества человеческого. Петр, увлекшись самонадеянностью, впал в искушение; а когда покаялся, тогда возвратилось к нему благоволение Христово. Так его судьба поучает нас, как самонадеянность пагубна и какая нам нужна осторожность, чтобы не падать в веру.

Не упустим из внимания главную причину падения Петрова. Во дни страданий Спасителя всем последователям Его угрожала страшная опасность, как Он сам им предсказал: «Когда поражен будет пастырь, рассеются овцы» (Мф.26:31). Стоило показать только вид приверженности к Нему, чтобы быть отлученным от сонмища; а это у евреев и поныне весьма важно. Услуга, оказанная Христу, навлекала на послуживших преследование и насилие. По сему души, преданныя Ему, обьял тогда «трепет и ужас» (Мк.16:8); все ученики Его "бежаша", когда Он взят был на суд. Притом было у них недоумение, что будет с Его учением и обществом после Его смерти. «А мы надеялись, – говорили некоторые из них безнадежно, – что Сей есть хотяй избавити Израиля» (Лк.24:21). При таких мрачных обстоятельствах последовало и отречение Петрово.

Теперь же, когда от креста и гроба Спасителя возсияла жизнь, когда Его воскресением утвердилась незыблемо наша вера православная, когда она у нас является не гонимою, а господствующею, чего нам верующим бояться? Между тем многие, если прямо не отрекаются Христа, ибо нет к тому и повода, то стесняются открыто показывать, что они с Ним, что они Его неизменные почитатели.

Разве нет христиан, у которых почти не выходят из рук разные печатные листы, и которые боятся в руки взять Евангелие? Боятся потому,

что слуги светской современности могут насмеяться. «И ты с Ним; ибо беседа с этой книгой яве тя творит» (Мф.26:73).

В великие праздники чувствуется потребность быть в Божием храм. Но иной малодушный не идет туда: ему надобно быть у знакомых с праздничным приветствием, сделать обязательныя посещения. Иначе какой-нибудь праздноходящий наблюдатель может упрекнуть его ханжеством, подобно как Петра изобличил один из слуг: «Не я ли видел тебя с Ним в саду Гефсиманском?» (Ин.18:26).

Сын, которого еще юного мать, умирая, благословила образом, женившись и устроив свой дом, ставит иконы в почетных местах. Но молодая госпожа дома, а вместе рабыня сего века, замечает ему: «И ты один из них, то есть иконопочитателей. Вынеси это отсюда, это несовременно». И боязливый раб повинуется рабыне.

Зовет один другого во время поста на пиршество, и конечно, без молитвы и крестного знамения предлагает скоромную пищу. Гость смущается, но скоро уступает, слыша насмешливый вопрос: «Ужели и ты соблюдаешь посты?» А это подобно вопросу: Ужели и ты с Иисусом Назореем? Ибо Он – верховный постник и установитель поста, указавший нам потребность поститься (Мф.6:17, 9:15).

И сколько найдется случаев, когда христиане косвенно отрекаются от Христа и от того, во что должны верить, и что соблюдать! Так или иначе, иногда незаметно для себя, мы повторяем грехопадение Петрово; но подражаем ли Петру в покаянии? Оплакав свой грех, он пришел с верою ко гробу Спасителя; потом Ему, явившемуся, подтвердил: «Господи, Ты веси, яко люблю Тя» (Ин.21:16). Мы что принесли к этому гробу? Слезы ли раскаяния или только исполнение внешнего долга, по приличию нынешняго великого дня? Воспламенился святым чувством Петр, когда тотчас по падении приметил, что взглянул на него Господь (Лк.22:61); воодушевим себя и мы желанием исправления, ибо смотрит на нас этот всевидящий Лик. Аминь.

Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы

«И сестра ей же нарицаемая Мария, яже и седши при ногу Иисусову, слышаше слово Его» (Лк.10:39).

О Марфе и Марии, принявших Спасителя в дом свой, сказаны эти слова. Почему же слышатся они почти во все праздники, совершаемые в честь Марии Приснодевы?

Потому, что в этом чтении евангельском убажается чрево, носившее Господа. Но кроме сего, к нынешнему празднику относится и то, что сказано о внимательной сестре Марфиной Марии, которая, оставив суетные заботы житейския, не убоясь негодования сестры, села при ногах Спасителя и слушала слово Его.

Трех лет от рождения Приснодева Мария приведена была в храм Иерусалимский, чтобы священно воспитаться при нем, в обители дев, посвятивших себя Богу. Там, важнейшим из ее занятий было чтение священных книг. Она любила учиться, часто читала Священное Писание; с старшими возрастом беседовала о том, что читала, и, по мере своего возраста, предавалась размышлению о дивных путях Провидения Божия в судьбе народа еврейскаго. В этой покорности Божию слову воспитанная, потом и во всю Свою жизнь собирала Она в Своем сердце все глаголы Божественного Сына Своего, внимала делам и страданиям Его, преклонившись при подножии креста Его.

Вспоминая торжественное введение во храм Пресвятой Девы Марии и Ее воспитание здесь в духе слова Божия, обратимся к себе самим с вопросом: занимаемся ли и мы словом Божиим? чувствуем ли какую-нибудь к тому охоту? – Увы, успехов видно так мало, что гораздо естественнее и нашему маловедению приличнее вопрос: от чего в нас такая неохота к этому чистому и святому занятию? от чего эта разсеянность, когда почти невольно и случайно мы бываем вводимы в это занятие?

Заниматься словом Божиим не значит только читать изредка Евангелие, Апостол, или вообще Библию; сюда относятся: размышление о судьбах Церкви Божией на земле, о подвигах угодников Божиих, о предметах веры, о законах и правилах жизни христианской, духовные беседы, отводящая душу от пороков и утверждающая ее на пути добра. Все это по своей сущности и цели неукоризненно и весьма полезно; но тем более странно, что современный человек мало чувствует усердия к

сего рода занятиям.

Это нерасположение к духовным занятиям происходит от нашей испорченности, в которой родимся, и вместе есть ее признак. Нет сомнения, что душа выше тела, подобно как тело важнее одежды; а между тем, повсюду видим, как часто берет перевес тело над душою, и все вещественное над духовным, невидимым. О духовном надобно размыслить и в том чрез веру убедиться; а вещественное видим, ощущаем, и им увлекаемся. Голод духовный, недостаток просвещения, знания, человек переносит иногда совсем неприметно для себя; но голод телесный скоро ощутителен, и тем он мучительнее, чем тщательнее голодный старается заглушить его. Ту же разность примечаем в труде умственном и телесном: успех в трудах и заботах внешних, если он есть, то скоро бывает очевиден, и радуется трудящийся; но труд умственный всегда требует бодрости душевных сил, их напряжения, и дитя не прежде, как вышедши из детских лет, начинает хорошо понимать, какая польза в том, что его заставляли учиться. Все мы дети в отношении к духовным занятиям, и нам нужна борьба с собою, чтобы полюбить предметы веры и беседы о них. Один святой старец вот что рассказывал о себе и своих учениках: «Когда я беседовал с ними о пользе душевной, на них нередко нападал такой глубокий сон, что они не могли открыть глаза. Однажды, чтоб испытать их, я заговорил о пустом предмете: братья так обрадовались, что и сон их тотчас прошел. Тогда, вздохнув, сказал я: доколе мы рассуждали о небесном, у всех вас очи отягощены были сном; а когда вышло из уст моих праздное слово, все вы охотно проснулись. Внимайте же себе, и берегитесь дремоты, когда делаете, или слушаете что духовное».

Это предостережение тем более нам полезно, что дух нынешняго века очень хитро и успешно возстает против благочестивых духовных занятий. Правда, ученику часто говорят, что ему нужно знать Закон Божий. Но почему нужно? Потому, что безуспешность в этом предмете может повредить ему на его учебном поприще, уменьшить похвальные отзывы за его успехи в иных науках, и таким образом унижить его в сравнении с сверстниками на испытаниях. Между тем не это главное; а то, что Слово Божие, как небо от земли, выше всех наук, что дух святой веры есть зерно, а все прочия знания могут служить только его оболочкой, что как бы ни были блистательны успехи нашего ума, придет наконец общее для всех нас, на страшном суде, испытание, когда не спросят нас, какия мы сделали открытия в области наук, искусств, или промышленности, но когда ясно откроется, в какого Бога кто веровал, или ни в какого не веровал, кто как жил и какия дела делал.

Чтобы отогнать от себя подобныя тревожныя мысли, люди нынешняго века утверждают, что все это устарело, что человечество далеко ушло вперед, и насмешливо отзываются о тех уроках, какие, быть может, из приличия они принуждены бывают слышать в храме.

Совершенно справедливо, что вера православная стара, и добродетель, ею проповедуемая, не новая. Но позволительно ли презирать старое, ища новаго? Напротив, не нужно ли изучить старое, по крайней мере для того, чтобы тем вернее оценить новое? Не сами ли защитники новых понятий говорят; что человечество должно идти вперед путем изучения прежних событий, им пережитых? А между тем, в области веры хотят судить о том, чего еще сами не знают и чего ясно различить не могут. Истекает вторая тысяча лет, как учение Христово водворилось на земле; но узнавшие его не поверхностно и ныне, и при конце мира будут повторять с одним глубокомысленным мужем¹, что «после Христа и Его Евангелия, не нужно нам иных учителей», с иным направлением. Какая польза в том, что человек меняет свои убеждения и постоянно стремится вперед? Всякий видит, как быстро переменяется цвет и вид одежд: одне выходят из употребления, выдумываются другия. Но вот вопрос: самая изящная и современная одежда может ли черную кожу сделать белую, и лицо безобразное – красивым? Так надобно думать и о душе. Меняет она свои воззрения; одни убеждения начинают быть современными, другия делаются отсталыми. Но должно быть в ней нечто такое, что составляет ея духовный облик, ея отличительное очертание. Это внутреннее благолепие не даст душе никакая современность: его дает вера, и только православная, его дополняет добродетель, и именно христианская.

Для сей цели и нужно нам поучаться в слове Божиим. Все оставит человека, когда он дойдет до своей могилы: неотъемлемо только это духовное приобретение, это святое сокровище. С запасом внушений истинной веры и евангельских правил безбоязненно смотрит христианин на бурное житейское море, подобно как крепкий корабль бодро держится на поверхности той пучины, по которой плывет.

Скажут: готовность к духовному учению во многих есть; но недостает хороших учителей. – Думается, что ни один, кто поставлен быть церковным учителем, не будет хвалить себя, но укорит недостойнство свое. Однакож, кому из нас не случалось примечать, как ленивый ученик нередко слагает вину своего незнания на то, будто учитель мало толковал ему урок? Когда речь клонится к осуждению ближняго: скоро ли кто догадается, что рассказчик неискусно осуждает? но не мало найдется готовых приложить свое ухо к нему; а когда судят о проповедниках,

требуют, чтобы и строгость Божия закона была несколько подслащена, и речь бы текла в самых современных выражениях. Что спрашивать, много ли, мало ли ныне искусных наставников духовных? И в древния времена немного было Златоустов; но древние христиане не так занимались словом Божиим, как мы. Священное Писание было у них первою учебною, и повсюду в домах настольною книгою. Были такие, которые не садились за обед, не прочитав какого-либо отделения из Библии, не ложились спать, не поговорив о каких-либо изречениях из нея, или добрых примерах из жизни святых мужей; детям, для упражнения в чтении, давали Библию, объясняя им то, что в ней проше. Иные читали ее не стоя, или сидя, а преклонив колена.

Припадем и мы к ногам Спасителя, чтобы, подобно внимательной Марии, слушать слово Его; преклоним колена душ и сердец наших пред Его учением, никогда нестареющим и всегда животворящим. Тогда и мы своею душею познаем силу изречения Христова, которым заключено евангельское чтение нынешняго дня: «блаженны слышащие слово Божие и его соблюдающие». Аминь.

Слово на день Рождества Христова (1-е)

«И отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары, злато, и ливан, и смирну» (Мф.2:11).

Мудрецы восточные, под водительством чудной звезды в Вифлеем пришедшие, воздали родившемуся Христу поклонение, как Богу, и поднесли Ему богатые дары, по чувству своего усердия.

Что же мы принесем Ему? ибо ради всех нас родился Он на земли. – Да руководит нас в этом деле пример мудрецов, почтивших Господа дарами.

Принесенное ими злато не было только свидетельством о богатстве их дома и страны. Быть может, многие видели чудесную звезду; но только трое узнали в ней указание свыше, и решились последовать за нею в неизвестную им страну, на поклонение царю, также для них неведомому. Они могли ожидать, что увидят царя в великолепии. Между тем звезда остановилась над беднейшею хижиною, в которую вошедши, они нашли смиренную Матерь, простаго Старца, Кроткого Младенца, среди окружавшего их убожества. Но вера пришельцев не поколебалась: они, *падше, поклонишася* младенцу.

Много в жизни и для нас знамений, укрепляющих веру в Воплотившагося Господа. Но как быстро движущийся путешественник и предметов великих может не рассмотреть, потому что они мгновенно пред ним исчезают, а он неудержимо несется вперед; так есть люди, увлекающиеся вихрем современности, которые не хотят, или уже и не могут остановить внимание на событиях, требующих размышления, на предметах, возвещающих нам Христа Бога. Мудрецы восточные, если бы не оставили своей страны, не пришли бы в Иерусалим, не нашли бы в Вифлееме родившагося Царя-Христа. Подобно им люди, ищущие Христа, находят в событиях жизни своей и общественной следы Его благого промышления; не удаляясь ближних сердцем, оставляют обычаи удаляющие от благочестия; встречаясь с недоумениями, разрешают их по смыслу Божия закона, который, подобно чудесной звезде, есть для нас неугасимый светильник; чтут внешние церковные обряды, в которых заключены высочайшая истины. Такие христиане безбоязненны среди опасностей жизни и, как волхвы в Иерусалиме прямо открыли Ироду цель своего пришествия, они открыто говорят в Кого веруют и Кого ищут, доколе не придут в ту незримую сграну, в которой не нужно будет спрашивать: *где есть рождейся царь Иудейский?* Это злато веры и есть тот

дар, который, по свидетельству Апостола Петра, выше «злата гибнуща», так или иначе удоботеряемого (1Пет.1:7).

Мудрецы восточные принесли Христу ливан, так как обыкновенно воскурятся фимиам пред Богом.

Будем приносить Богу фимиам благодарности и хвалы. Нынешний праздник – общее для всех к тому побуждение: *сего бо ради Бог на землю сниде, да нас на небеса возведет*. К стыду нашему, человек в счастье подумать не хочет, откуда ему счастье, а в несчастье повергается в уныние. По сему, наоборот, тем чище будет дар нашей признательности, если и в дни скорбные, при неустройствах семейных, при потерях невозвратимых, не забудем благодарить Спасителя за те утешения, какия Он дает нам в святой Своей церкви, и за те благодеяния, какия неожиданно получали в прежней нашей жизни. С этой точки зрения, прекрасно учреждение, нынешний день повсюду в православной России исполняемое. Уже пятьдесят лет, как Бог избавил ее от врагов, в средину ея вторгшихся; были, по грехам нашим, после того потери и скорби для отечества нашего; но не забыло оно чудной помощи Божией: благодарное за нее молебствие возносится ежегодно, возбуждая и каждого из нас не роптать в горести, а благодарить Бога за милости.

Третьим даром, который был принесен восточными мудрецами Спасителю, была смирна. Это есть драгоценное вещество, истекающее из аравийского дерева. Ея свойство предохранять тела от гниения: потому и умащали ею мертвых. Христу, как Богу, этот дар не был бы приличен: по он был предзнаменование, что Христос, как человек, подвергнется смерти. По выражению песни церковной, волхвы, «как мертвецу, принесли смирну безсмертному» (Стих. празд. на стих. 3.).

Никакого погребального вещества, нельзя принести Христу, не только родившемуся, но уже и воскресшему. Но есть смирна духовная, которою мы можем предохранить нашу веру в Него от мертвенности, и которую каждый может приносить, как приятный Ему дар. «Что Мне множество ваших жертв? – взывал некогда Бог к лицемерным Иудеям. Научитесь добро творить» (Ис.1:11, 17). Явно, что никакой дар не будет Богу приятен, никакая жертва наша не будет жертвою живою, без нашей готовности добро делать людям, служить обществу. Мертво растение без листьев и плодов, мертвы будут наши праздники в честь Божию, если не будем оживлять их благотворениями ближним. Послушаем, чему учит нас один святой отец в праздник Рождества Христова. «В этот день, Господь пришел к рабам: да снисходят и начальствующие к своим подчиненным. В этот день нас ради Всебогатый обнищал: да соделает же и богатый бедного

участником своих излишков. В этот день получен нами свыше дар: будем же подавать и мы милостыню неимущим. День сей отверз горнюю дверь мольбам нашим: отверзем и мы дверь свою тем, которые нанесли нам обиду и умоляют о прощении» (Твор. Ефрема Сирина, Ч. VI, стр. 310).

Итак, веровать в Спасителя, Его благодарить, делать добро ближним, – вот что мы можем приносить Ему в дар. Не нужно быть мудрецом, чтобы все это иметь и приготовить; но тот не ниже никаких мудрецов, кто действительно сии дары Богу будет приносить. Аминь.

Слово на день Рождества Христова (2-е)

«И пастырие беху в той же стране, бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем» (Лк.2:8).

Чудное совершилось ныне событие, и чудным образом оно возвещено. Ныне Слово явилось во плоти, и первое слово о рождении Его приносит на землю вестник небесный.

Но к кому обращается ангел Господень с благовестием о рождестве Спасителя? К пастырям стада безсловеснаго. Что же сие значит? Ангел послан благовествовать *радость, яже будет всем людем*, а благовествует только пастырям не многим.

Нет сомнения, что простота и смирение пастырей привлекли к ним небесного вестника. Но есть сему причина и в том обстоятельстве, что пастыри, по свойству занятий своих, в ту ночь не предавались сну: «беху ...бдяще и стрегуще стражу нощную».

Пример пастырей Вифлеемских приводит нас к мысли о нужде и важности духовного бодрствования в отношении к вере и христианской жизни.

Бодрствование души есть такое ея состояние, в котором она наблюдает за движениями своих сил и чувств, отверзает свой духовный слух к приятию внушений только истинных и чистых, в то же время охраняя себя, чтобы не вкралось в ум какое-либо лжеучение, а в сердце – что-либо нечистое.

Истины веры открыты для всех. Но как лишившиеся зрения, и при сиянии солнечном, ничего не видят, или как иные намеренно смежают очи, чтобы не видеть того, чего не хочется им видеть: так бывают несчастные, которые при свете веры погружаются во тме духовнаго неведения. Само Слово присносущное и вечное *в мире бе и с человеки поживе*; но только очи не многих, видящих, Его истинно видели (1Ин.1:1); между тем как весьма многие «свои Его не прияли, и мир Его не позна» (Ин.1:10–11). Где же причина такого ослепления? – Прежде всего, в недостатке духовнаго бодрствования.

Раждается Спаситель мира, – и благовестие о рождестве Его принесено с небеси пастырям; а мир оставался глухим к сему великому событию, хотя Спаситель *не несвидетельствована себе остави*.

Не говорим о язычниках, которых сон духовный простирался до омертвения, которых апостол назвал мертвыми по преступлениям, безбожными в мире (Еф.2:5, 12); самый даже народ избранный, несмотря

на многия знамения близкого пришествия Христова, не познал времени посещения своего. Наставники закона не ведали судеб Господних, и почивая на законе, остались глухи к указаниям его. Фарисеи, думавшие о себе, что им не возможно не узнать Мессию, впади в самообольщение, которое и воспрепятствовало им узнать Его. Бодрствовал повидимому Ирод, смутившийся слухом о рождении Христовом. Но его смущение не было ли подобно беспокойству человека нечестивого, когда он, возбужденный от сна грозным сновидением, не знает сам, что делает?

От сих явлений невнимательности перенесем взор на состояние Вифлеемских пастырей, не только бодрствовавших телом, но не воздремавших и душою. Они конечно могли слышать «гласы пророческия, по вся субботы чтомья» (Деян.13:27), и о Христе Спасителе возвещавшие. Когда явился ангел, они хотя убоались; но боязнь сия усилила их внимание к явившемуся. Возвестив им о рождении Спаса Христа, ангел научает их, как найдти Его; но указывает им такое знамение, которое души рассеянные и слабыя могли бы привести не к вере, а к сомнению: вот «вам знамение: обрящете Младенца, ...лежащаго в яслях!» (Лк.2:12). Надлежало пастырям утвердиться в детской доверии, чтобы, по указанию ангельскому, узреть славу божественную в облачении крайняго убожества и унижения. И когда окончилось чудесное видение, они не престают бодрствовать над расположениями своего сердца и как бы слыша еще глас, призывавший их к Спасителю, побуждают друг друга спешить к указанному месту. «Преждем до Вифлеема, и видим глагол сей бывший, его же Господь сказа нам. И приидоша поспешесея, и обретоша ...Младенца, лежаща во яслех» (Лк.2:15–16). Так бдительность пастырей удостоила их слышать небесного вестника; та же бдительность отверзла их сердце к принятию благовестия, утвердила в желании видеть Благовестуемого, и увенчалась вожделенным успехом, – поклонением рождшемуся Господу.

Без сомнения не одна только тайна рождения Спасителя требует от нас смиренного внимания; и другие предметы веры уразумеваются по мере духовного бодрствования, при утрате которого люди не видят истин очевидных. «Зряще узрите, и не имате видети» (Мф.13:14), – обличал Господь слепотствовавших иудеев, и неоднократно указывал пагубу душевного усыпления. Хочет ли Он показать безуспешность в некоторых евангельского слова? Он между прочим изъясняет ее тем, что у иных сердце безчувственно, как камень, у других усыплено печалию века сего. Вопрошают ли Его, как лжеучения появились в роде человеческом? Он отвечает, что «спящим человеком, прииде враг, и всея плевелы»

(Мф.13:25). Что означает это многократно повторяемое в Евангелии воззвание: *имеяй уши слышати, да слышит*, – как не прямое и сильное возбуждение к тому, чтобы мы со вниманием недремлемым и изоощренным принимали учение Христово? Ежели в слушании человеческих наставлений потребно удаление от развлечений: то тем более сие требуется для уразумения внушений веры, которыя, при всей простоте, заключают много и такого, к чему стремится сердце, но мысль с трудом подняться может.

Бодрствование духовное есть необходимое условие правильной и доброй жизни.

Жизнь христианская есть жизнь благодатная. Благодать спящему душевно человеку взывает: «востани спяй» (Еф.5:14). Как ангел устрашенным пастырям сказал: *не бойтесь*, и указал им путь ко Христу; так и благодать Божия, когда грешник, пробудившись, содрогнется от своего недостойнства, успокоивает его своим миром, и чувством внутренняго удовлетворения. Но нужен тонкий слух, чтобы слышать неизглаголанная внушения Святаго Духа: иначе душе не будут слышны благие и спасительные звуки. Благодетельные и святые мужи неусыпным бодрствованием над собою стяжавали непогрешительное уразумевание всякой внутренней в себе перемены.

Жизнь христианская есть поприще добрых дел. Но надобно смотреть за собою, чтобы не остановиться оком самолюбия на том, в чем Господь помог нам успеть, чтобы спешить горящим духом к тому, что еще ожидается от нас на пути добра, и совершение чего требует усилий. Только не дремлющее око души испытует предприемлемыя дела, повидимому, даже и чистыя: не будет ли в них или после них чего-нибудь такого, что может болезненно подействовать на совесть. Ибо в мире все смешано: и милосердие иногда проникается тщеславием, и добрыя речи о ближнем могут исходить из сердца не искренняго, и бережливость служит у иных рабынею любостыжанию. И если облачение добрыми делами есть лучшее украшение души: то «блажен бдяй и блюдый ризы своя, да не наг ходит, и узрят срамоту его» (Откр.16:15).

Жизнь добродетельная есть путь небезпечальный, и кто воздремлет, тот близок к опасности. "Бдите, – говорит Спаситель, – и молитесь, да не впадете в напасть» (Мф.26:41). И в другом месте (Мф.24:43) изъясняет необходимость бодрствования тем, что если бы хозяин знал, когда придет тать, то не дал бы подкопать храмины своей. Храмина есть душа, и нужно нам стоять на страже, чтобы враги благочестия не вторгнулись в нее и не произвели в ней опустошения. Большая часть бедствий в роде

человеческом суть плод неосторожности и беспечности. Кто в себе самом пресекает поток нечистых мыслей и желаний, тот избавляет себя от многих в жизни неприятностей, и неколебимо готов, при помощи Божией, противостоять несчастьям, которых в сем мире и невинность не всегда может избегнуть, и предусмотрительность прототвратить.

Век нынешний нельзя упрекнуть в недеятельности: многия полезныя начинания совершились; все направляется к развитию. Повидимому, это признаки возникновения от сна и бодрствования. Но Спаситель, уча бдению, указывал на времена, когда люди предавались сну беспечности и нечестия, несмотря на возбужденную внешнюю деятельность, несмотря на то, что не только ели и пили, но покупали, продавали, садили и строили (Лк.17:27). Предостерегая учеников, Он давал вразумление всем векам и народам: «яже вам глаголю, всем глаголю: бдите» (Мк.13:37). Надобно и нам углубиться в себя, чтобы решить: бодрствуем ли мы бдением духовным? Очами ли веры испытуем знамения времен и событий, и верно ли постигаем их дух и направление? Пользуемся ли внушениями, какая дает нам приснобдящий над всем Промысл? Ныне воспоминает Церковь страшную годину, какую испытало отечество наше. Чуждые народы видели наказавшую и помиловавшую нас Божию десницу. Но памятуем ли мы, сыны отечества, те добрые примеры, те христианские черты, какие явились в жизни наших отцов и соотечественников во дни приснопамятной брани? Храним ли приверженность к православнои вере; или судим о ней не выше тех убеждений, которыя так же можно переменять, как изношенную одежду? Чтим ли память наших предков подражанием их благочестию; или легкомысленно платим смехом и презрением их простодушию? Любим ли ближних любовью истинно христианскою; или только любим разсуждать об условиях благоденствия царств и народов? «О, сынове света и дне! ...Да не спим, якоже и прочии; но да бодрствуем и трезвимся» (1Сол.5:5–6). Аминь.

Слово в праздник Сретения Господня

«Се лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо» (Лк.2:34).

Когда Иисус Христос, как первенец, принесен был в сорок пятый день по рождении в храм иерусалимский: туда же пришел благочестивый старец Симеон, и приняв в свои объятия Божественного Младенца, предсказал о Нем Марии матери Его, что Он соделается для многих предметом противоречий.

Что же значит печальное предсказание сие? Спаситель в мир пришел, «да чада расточенная соберет во едино» (Ин.11:52); чтобы каждый Его учением мудрствовал, Его жизнью дышал. Для кого же и для чего Он – предмет противоречий?

Для людей гордых, лукавых, развращенных и соблазняющихся.

По рождении Спасителя, между тем как ангелы пели славу в вышних Богу, пастыри поклонялись и дивились рожденному Младенцу, и мудрецы несли Ему дары: в то время уже смущался Ирод с своими единомышленниками, и готовил смерть Тому, Кто соделался невинным предметом безпокойства и ненависти для мрачной души его.

Когда «начат Иисус творити же и учити» (Деян.1:1), одни обратились к Нему, другие вооружились против Него; одни Его слушали и поучались, другие «искали уловить нечто от уст Его» (Лк.11:54). Кто же были сии недоброжелатели? – Книжники и фарисеи, которые выше себя никого не ставили, а сами были низкими рабами страстей, от истины свой слух закрыли и вникнуть в нее не хотели. Они повсюду преследовали Христа и распространяли в народе клевету, будто он льстец и силой веельзевула творит чудеса.

Уже Спаситель был на кресте; но не умолкли и тогда пререкания о Нем. Один разбойник молился Ему; другой злословил Его. Сотник взывал: «воистину Божий Сын бе сей»; а книжники и старейшины, ругаясь, говорили: «инья спасе, себе ли не может спасти» (Мф.27:54, 42).

По вознесении Спасителя учредилась Его церковь; но не перестал Он быть предметом противоречий. Одни приняли Его учение, и за истину стояли до крови; другие не хотели вникнуть в сущность христианства, и считали суеверием то, чего понять не могли и не умели. Очевидныя чудеса люди ожесточенные приписывали волхвованию. Христианство распространялось; а между тем отец (Диоскор), язычник, отсекал главу дочери (Варвары), христианки, и домашние вели родных на мучение. Так

исполнялось слово Спасителя: «не приидох воврещи мир, но меч. Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ея, и невестку с свекровью ея» (Мф.10:34–35).

И ныне вера во Христа не производит ли разделение в семействах? Одне ли православныя убеждения господствуют в обитателях одного дома и членах одного семейства? Не мыслит ли сын уже иначе, нежели как мыслил и веровал отец? Истинные христиане духом и истиною поклоняются Богу; иные напротив смотрят на божественный лик Спасителя, как на изображение простаго человека. Одни с благоговением стремятся к чудотворным иконам, к святым мощам, своими глазами удостоверяясь, что и в наши поздние дни не пресекался ток чудес; другие или невежественно повторяют, будто ныне православной церкви нет на земле и благодать взята на небо, или в надмении односторонней учености непостижимые предметы веры согласны изъяснять всем, чем угодно, только не тем, чем должно.

И в этот век противоречий и сомнений, быть может, не одна полная священной ревности душа воздыхает и взывает: О, всемогущий Господи! От чего не являешься Ты в громах и молниях, или в оных поразительных знамениях божественной Твоей силы, чтобы всех привлечь к истине, всех обратить к вере? – Для того, ответствуется нам, «яко да открыются многих сердец помышления» (Лк.2:35); для того, чтобы до скончания мира имел силу вопрос: «кого Мя глаголют человецы быти» (Мф.16:13)?

Действительно, хотя нам объяснено, в чем истинная вера, и чего нам держаться; но нужно для нас испытание: так ли мы веруем, как должно, и веруем ли, или хотим все постигать умом? Свойство откровенного Богом учения таково, что всегда в нем есть нечто неудобопонятное и таинственное. Какое бы это было учение веры, еслибы кто сказал: верьте, что огонь жжет, а вода сверху вниз течет. Это видит малое дитя, любя играть на воде; это оно легко узнает, однажды прикоснувшись к огню. Но когда нам говорят, что силою Божию люди ходили по водам, и из огня выходили невредимы; здесь уже начинается испытание, на столько ли мы веруем в могущество Божие, чтобы такая чудеса почитать действительно бывшими, и такая происшествия истинно чудесными. В прикровенных предметах веры есть пища для ума, ибо еслибы в ней все было ясно, то не о чем было бы ему размышлять; есть сладость для сердца, ибо оно ищет, где действует Бог, творяй чудеса; есть основание заслуги, ибо человек на пути веры, побеждая сомнения, обнаруживает твердость души. Мзду получит не тот, кто видит, чего нельзя не видеть; а тот, кто верует, не оскорбляя неверием предметы, превышающие ум. Не с человеком советовался

Господь, предопределив спасти его; но ведет его ко спасению при добровольном его согласии. По сему Он дал нам такую веру, в которой может всякий найти покой своему духу, но которая имеет и столько таинственности, что чрезмерная и легкомысленная изыскательность может на уме пытливом образовать кору, его ослепляющую. Но это вина самого человека, и вина непростительная: ибо *на Святого Духа истины хулившему не останется во веки* (Лк.12:10; Мк.3:29). Таковы были упорные Иудеи: силе нечистой приписывали они чудеса Христовы, уклоняясь вникнуть в сущность дела и понять, что не станет враг добра творить и ложных своих чудес для блага людей, не будет древний лжец посредством каких-либо знамений направлять неведущих к истине.

Христос Сам сказал: «блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф.11:6). По сему блажен тот из нас, кто, подобно праведному Симеону, силой веры приобретет дерзновение, отходя ко Господу, сказать: «видели очи мои спасение Твое!» (Лк.2:30). Аминь.

Слово в Неделю ваий

«И приведоста жребя ко Иисусови: возложиша на не ризы своя, и вседе на не» (Мк.11:7).

Ныне воспоминаемый вход Господень во Иерусалим именуется царским: ибо во всем событии были черты встречи царской.

Народ, движимый чувством не только любопытства, но и благоговения, сретает Спасителя и сопровождает; громогласно называет Его сыном царя Давида; в восторге восклицает «Осанна!», что равносильно тем кликам радости и надежды, какими приветствуют царей; стелет по пути одежды и пальмовыя ветви, подобно как и ныне пред царями и лицами их дома бросают полотна, траву и цветы, чтобы по ним прошли они.

Но все это черты величия земного, и если ими почтен был Спаситель, то не потому, чтобы Он был владетель какой земной страны, а потому, что Он был, есть и будет Царь вечный неба и земли. Чудесами был предшествуем, и ими сопровождался вход Его в Иерусалим. Его силой воскресае Лазарь, которого разлагавшееся тело могли видеть и смердящий запах ощущать самые враги Иисуса, чудесам Его верить не хотевшие, но Его, как Чудотворца, невольно боявшиеся. – Торжественное шествие Спасителя направлено было к храму, где всегда было много хромых, слепых и иных недужных. Господь, как Царь жизни и природы, всех их исцелил. Все совершалось так очевидно и несомненно, что самые завистинки Христовы не могли не признать всемогущей силы, и видя чудеса, «яже сотвори Иисус, ...вознегодовали» (Мф.21:15).

К числу необыкновенных обстоятельств, отличавших вход Его в Иерусалим, принадлежал и самый способ Его путешествия. Он входил, сидя на жребяти, которое не знало ни ярма, ни седока. В сем обстоятельстве нельзя не видеть чудесного исполнения древняго предсказания. Утешая свой несчастный народ, пророк Захария воззвал: *Скажите дочери Сионовой: се царь Твой грядет, сидя на жребяти осли* (Зах.9:9). Если б было только сказано: «придет к тебе царь», – это было бы согласно с верой и ожиданием народа Божия; если б было прибавлено, что «придет на коне», – и это естественно и не удивительно. Но когда решительно было предуказано, что он придет, сидя на младом жребяти, «на неже никтоже николиже от человек вседе» (Лк.19:30): в этом видна черта боговдохновеннаго пророчества, превышавшаго порядок обыкновенных событий и житейских обстоятельств. К сему

ветхозаветному пророчеству присоединилось и в точности исполнилось предсказание самого Спасителя. Посылая двух учеников взять и привести жребя, Он ободряет их: если спросит кто, зачем отвязываете, скажите: «оно надобно Господу», – и тотчас отпустит (Мк.11:3).

В том, что Господь возсел на животное еще дикое и несом был, покоясь на нем, как на постели, или на троне, святые отцы видят указание на ту силу веры Христовой, которая укротила и покорила себе умы и нравы язычников. Эта всемогущая сила гонителей претворяла в мучеников, вольнодумных и безбожных в защитников истины и добра, сластолюбивых и чувственных – в людей, одуховленных целомудрием и страхом Божиим.

Но эта сила не воздействует в нас, если мы далеки от готовности повиноваться ей. Когда хозяева узнали, что для Господа ученики отвязывали их жребя, беспрекословно пожертвовали своим животным. Так ли усердно мы служим Господу своим достоянием, или осмеливаемся думать, что к нам не посылал Господь что-либо требовать у нас?

О, Царь неба и земли! Устами Твоих духоносных посланников Ты давно уже сказал, чего требуешь от нас. Пошли нам искру Твоего света, чтобы увидеть мрак наших ложных убеждений и своекорыстия!

В писании глаголет Господь Вседержитель: «Мое есть серебро и Мое золото» (Агг.2:9). Но так ли украшены наши православные храмы, чтобы даже в тех, которые почитаются богатыми, были в полном достатке Богослужебныя вещи и все соответствовало славе имени Господа и велелепию святыни Его?

Сказал Христос о Своих учениках и их преемниках: «иже вас приемлет, Мене приемлет» (Мф.10:40). Но во всех ли православных домах поддерживается такая заботливость о служителях алтаря, чтобы общее усердие и почтение к ним приближено было к достоинству пославшего их?

Обещал Христос в лице бедных и несчастных принимать благотворения. Не забываем ли, мы сие обещание? Умножается ли в нашем обществе достояние нищих? Помним ли, что чем больше будет между нами тайных благотворителей, тем меньше будет около нас явной нищеты?

От ваий, которыя держали в руках, примем окончательный урок. Если эти ветви будут брошены: оне увянут и засохнут; если будут посажены в землю: дадут рост, и в свое время зацветут. Укореним наши души в почве христианской веры и добродетели, – и оне процветут к жизни не только безсмертной, но и блаженной. Аминь.

Слово во вторник Светлой седмицы

«Не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути?» (Лк.24:32).

Лука и Клеопа, на пути в Эммаус, несколько часов шли вместе с Спасителем, и не узнавали Его. Уже только в час вечерняго отдохновения и преломления хлеба они Его узнали; но как скоро узнали, Он стал им невидим, и они с сожалением сказали друг другу: «не горело ли в нас сердце, когда говорил Он с нами на пути?»

Каждому из нас свыше предназначено то место селения, в котором день нашей земной жизни склониться должен к вечеру. Но каждый, прежде нежели придет на место упокоения, должен совершить более или менее долгий, жизненный путь. Спросим же и мы себя: не горит ли наше сердце таящимся светом того ощущения, что Сам Господь идет с нами и нам глаголет на пути?

Как можно, говорят, увлекаться чувством сердца? – оно может ошибаться: надобно следовать уму. – А ум не может ошибаться? Путники Эммаусские от того именно и впали в заблуждение, что они предались суетным соображениям разсудка, под влиянием мысли об Иисусе Христе, как Царе земном. Обманутые в своих соображениях, но хотевшие поверить чувству сердца, они впали в обман своих очей, и не узнали Того, Кого искала их душа, и Кто потом, несмотря на их силу разсудительную, назвал их несмысленными. Не случается ли нечто худшее с людьми, надменно преданными построениям своего ума? В напряжении мысли стараясь стать выше себя, опередить, еслиб можно было, свой век, они часто не видят и того, что у них перед глазами, не узнают предметов, самых знакомых. Сколько было опытов, когда разсудок являлся врагом веры, а сердце приводило к вере. У древних образованных Афинян много было богов и много капищ: все известныя им божества у них были собраны и были ими чтимы; но не удовлетворившись тем, что имели, они создали храм «неведомому Богу» (Деян.17:23). Что же их побудило к сему? Потребность сердца, которое не успокоилось, почитая идолов, и стремясь к богу иному, опасалось и стыдилось, что он останется без храма. Во всех людях есть врожденное влечение к вере христианской, и дотоле сердце не может успокоиться, доколе не сделается христианским. Не по сухим, безжизненным, отвлеченным построениям разсудка хочет веровать сердце; но разсудок наш должен вникать и уяснять, чего ищет оно. И если оно горит жаром той уверенности, что Сам Господь глаголет нам на пути

нашей жизни: то наша обязанность узнавать, как Он глаголет.

Нет в том и сомнения, что «Господь близ» (Флп.4:5). Он Сам нас уверяет, что Он всегда с нами: «Се Аз с вами есмь во вся дни» (Мф.28:20). Пребывая с нами, Он неумолчно простирает к нам Свой сладкий глас, – в святых таинствах, которые принимая достойно, христианин входит в ближайшее единение со Христом; в учреждениях церковных, где каждое действие, каждый священный обряд служит не только живым напоминанием того, что Господь на земле для нас сделал, но и верным средством Его таинственного приближения к молящейся душе и чистаго ея умиления; наконец, простирает глас Свой в Своем Евангельском слове, о котором сказано: «близ ти глагол сей во устех твоих, в сердце твоём» (Рим.10:8).

Быть может, скажут: нужно верить, чтобы слышать этот Божественный глас. Правда, что верою отверзается слух и сердце, подобно как от упражнения изоощряются наши чувства внешния. Но несомненно и то, что *вера от слуха*, слух же глаголом Божиим. Нужно без предубеждения слушать, чтобы несомненно верить. Прислушаемся к самому гласу природы: не есть ли он глас Божий? Успокоивается взор наш на картинах природы: но *от красоты созданий Родоначальник их познавается*, и этот стройный состав природы, особенно во дни весенняго ея оживления, так много говорит сердцу, что оно как бы хочет излететь от земли, из здешней, временной родины своей вознестись туда, где истинное и вечное отечество наше. С другой стороны мы привыкли называть мир суетным, жаловаться на его соблазны. Но вместо напрасных и бесплодных жалоб, не лучше ли вникнуть: чему учит суета его, не слышится ли даже из среды ея некий таинственный, но близкий к нам голос, зовущий к себе? Был ли на свете человек, который бы искренно сказал: желать мне больше нечего? Напротив, не чувствует ли каждый, после своего последняго удовлетворенного, еще много новых желаний, отнимающих у него довольство и покой? Если же мир дает менее, нежели сколько желает душа: не зовется ли она туда, где есть довольство, но нет недостатка? Посему многие, обременяясь и скучая тою пустотою, которую всегда вслед за собою производит в душе суета светских удовольствий, почитали за несравненно лучше наполнять опустошенное сердце молитвенною беседою с Христом, и до того услаждались этой беседою, что убегали совсем мира и его соблазнов, искали себе покоя в какой-нибудь мирной обители, подобной скромному селению Эммаусскому, и в ней из глубины сердечнаго умиления взывали к своему Божественному Спутнику: *облязи с нима*; приклоняется к вечеру нашей жизни день.

Но всякому свой путь и свое призвание. Одному говорит Господь, как Великому Арсению: «бегай людей»; другому вещает, как ветхозаветному Пророку: *иди к людям сим*. Во всяком случае то несомненно, что и на стогнах града нам сшествует Господь, и в наших домах нам соприисутствует, напоминая нам всегда о себе, то в дарах счастья, то в ударах несчастья.

Стыдясь называть благополучие плодом случая, люди придумали присловие, что всякий сам есть художник своего счастья. В сем есть некоторая доля правды; но не бывают ли в жизни обстоятельства, против которых не устоит никакое благополучие, и оно разрушилось бы, если б рука промысла не охраняла его. *Богатство*, по выражению писания, *течет*; обилие благ временных иногда притекает, подобно обильному дождю, неожиданно, без всяких с нашей стороны стараний, орошающему землю. Если б даже и таланты человека помогали его счастью; то спрашивается: где он взял эти таланты? Нечего сказать на этот вопрос, кроме того; что таланты от Бога, а не от нас самих, даже не от наших родителей; потому что «рожденное от плоти только плоть есть» (Ин.3:6).

Пути Промысла положены и в самом злополучии человека. Видя, как разрушается благополучие земное, самоуверенный употребляет все усилия ума, чтобы остановить разрушительное влияние, пресечь неблагоприятныя обстоятельства: но несмотря на все усилия, счастье земное так быстро исчезает, как весенняя вода, которая иногда вдруг утекает неведомо куда. Ужели все это просто случай? И почему же мудрый, многовидящий ум человека не может противиться случаю слепому? Нет, в самых несчастьях близок к нам Тот, Кто мертвит и живит, и Кто нежным гласом вещает несчастному? ты несчастлив; призови меня в день твоей скорби!

Научимся же среди всех обстоятельств нашей жизни внимать вещаниям сопутствующего нам промысления Божия: тогда и мы сподобимся от Воскресшего Господа, подобно верным Ему женам-мироносицам, услышать вожделенный глас: *радуйтесь!* Аминь.

Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы (первое)

«Слыши дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя, и дом отца Твоего, и возжелает Царь доброты Твоя, ...и поклонишися Ему» (Пс.44:11–12).

Во время введения Пречистой Богоотроковицы в ветхозаветный храм Иерусалимский, сопровождали Ее девы юныя, Богу посвященные, и в сем исполнилось предсказание: *приведутся Царю девы вслед Ея...*

Нет ныне ветхозаветного храма, и Сама Царица-Богоотроковица уже давно предстала одесную Царя. Кто же ныне будет в состоянии идти во след Ея? Возможно ли это?

Утешьтесь, новыя чада Израиля! Возвеселитесь души, ищущия себе счастья дев, сопровождавших некогда Пречистую Богоневесту! *Приводятся* и ныне *Царю девы в след Ея*: только нам нужно знать путь, каким ведутся оне.

Всем нам апостол, – и мужчинам и женщинам, и девам и брачным, – говорит: «обручих вас Единому Мужу, деву чисту представить Христови» (2Кор.11:2). И святая, Православная Церковь, с первых дней нашей жизни, уневестила души наши Небесному Жениху.

При всем том, для верного уневещения душ наших Господу не мало требуется и от нас самих. Обратимся к обыкновенной жизни. Родители или воспитатели юной девы стараются сообщить ей многия, блестящия преимущества; но этого не довольно: надобно, чтобы невеста имела внутренния достоинства души и сердца, которыя могли бы придать более значения тому, что получила она от воспитания и образованности. Подобное и в деле духовного уневещения: оно начинается попечением о нас святой Церкви; но нужна и с нашей стороны забота, чтобы украсить душу качествами невесты Христовой. Однажды святой Григорий Богослов видит сон. (Не усумнимся сон обратить в урок важнаго дела: сновидения святых суть откровения таин духовнаго мира). Ему явились две девы в белых одеждах: все их убранство состояло в том, что оне не имели уборов. На вопрос его: кто оне и откуда? – отвечали: «Одна из нас – Чистота, а другая – Целомудрие. Мы предстоим Царю Христу и услаждаемся красотами девственников. Но ты соедини ум твой с нашими сердцами, и твой светильник с нашими светильниками, чтобы тебя, просветленного, могли мы поставить пред сиянием Безсмертной Троицы». Видевший сон этот желал быть в обителях душ девственных; но вестницы, оттуда

пришедших, не вдруг восхитили его туда, а потребовали, чтобы он со светильником чистоты и целомудрия прошел прежде темные стези земной жизни. Нужно и нам позаботиться о чистоте жизни, чтобы в ней возблистали черты девственности. И у кого мы лучше можем научиться чистому житию, как не у Той же Приснодевы, Которая представши Царю, как Богоневеста, соделалась для нас наставницею духовного уневещения, – «невестокрасительницею душ святых»?

Прежде всего святой Давид возбуждает в невесте царевой внимательность. *Слыши, дщи, и виждь*. Мир требует от невесты острого ума, приятного слова: Христос ищет в Своей невесте целомудренного молчания и внимания Его слову. Обрученная Ему душа хорошо *видит* свое звание (1Кор.1:26) *во Христе*, и старается хранить залог сего обручения, как «таинство веры, в чистой совести» (1Тим.3:9). *Имея известнейшее слово Священного Писания, она внимает ему, яко светилу* (2Пет.1:19), в темноте земной жизни, пока еще не просиял для нея свет славы из брачного, небесного чертога Христова. Вникая в дух современных событий, управляемых Промыслом, который прикровенными, но не совсем закрытыми, путями ведет человека ко благу и вразумлению, она усматривает в них побуждение и поприще к исканию Небесного Жениха: "возстану, – говорит, – и обыду, и поищу, Его же возлюби душа моя» (Песн.3:2). Нужно ли указывать сии черты в жизни Богоматери? Она молчала, когда песнословили Ангелы, проповедывали апостолы, и весь мир оглашаем был слухом неслыханных событий. Она безмолвствовала, потому что *соблюдала все глаголы в Своем сердце*. Глаголы чудных обстоятельств ее окружавших, Божественная вещания Сына Ея по плоти и Жениха по духу, предвестия лучших надежд слагались в неистленном сосуде Ея *скромного и молчаливаго духа* (1Пет.3:4). Вот первый след Приснодевы, открывающий христианской душе вход в небесный храм Царев.

Далее невесте Христовой объявляется новое требование, более тяжелое: *забуди люди и дом отца твоего*. Забуди людей... Но мир так извратил сие правило, что не нужно ли выразить его наоборот? Не соединяется ли иногда в человеке забвение людей с гордым памятованием только своих достоинств? *И дом отца твоего...* Как забыть дом отеческий, к которому привязывают и узы любви, и часто нужды жизни? – В сем также предшествует нам Приснодевственная Богоневеста. Рано оставляет Она кров родительский, чтобы для Бога воспитаться в храме Его. Ходатаица за людей пред Божественным Сыном, Она не знает людей, живет в уединении и неизвестности. Для чего же нужно большее или

меньшее, постоянное или только по временам удаление от общества? Чтобы беспрепятственнее соблюсти чистоту и целостность сердца, чего от верной своей невесты желает Небесный Жених. Он говорит: «даждь Ми... твоё сердце» (Притч.23:26), или, как Аврааму: «изыди ...от дому отца твоего» (Быт.12:1). Такое требование вовсе не противно наклонностям человеческого сердца, которое любит привитать там, где сокрыто сокровище его. Посему духовная невеста Христова, принадлежа видимо, по телесному своему составу, отечеству земному, незримо, но не удержимо стремится к отечеству небесному. Ея внимание стоит на страже помышлений, чтобы ядовитый дух мира не растлил их своим дыханием, своим языком, своими соблазнами. Сердце, которое уневестило себя Христу, так целостно объято святою любовью, что, свободное от пристрастий суетных, оно носит в себе только образ Небеснаго Жениха, исповедуясь Ему: Ты – «сладость, весь еси желание" (Песн.5:16).

Наконец, и сие наставление пророческое относится к христианской душе: *и поклонишися Ему*. Мир почитает неприличным требовать от невесты поклонения жениху, поставляя ее предметом поклонения. Иисус Христос, от душ, уневестившихся Ему, достойно требует не только поклонения, но и соединенного с пожертвованием, самоуничижением, терпением. «Якоже крин в тернии, тако искренняя Моя посреде дщерей», вещает таинственный глас Его (Песн.2:2). Трудно крину сельному, когда ветер клонит книзу главу его, а терние мешает ему поднять ее: трудно чистой душе, когда ветер внешних бедствий обуревают ее, и сцепление неприятностей жизни влечет ее к унынию, препятствуя возноситься ей горе, к небесному. Но в сей борьбе торжество души девственной: ибо любовь не жалеет жертвы, а жертва служит верным знаменем любви. Посему все, уневестившиеся Христу, не наружно только поклонялись Ему, по чтили Его смиренною преданностию, постоянным терпением. Жизнь Пречистой Богоневесты, от Ея смущения в минуты Благовещения, до Ея сиротства не только после смерти Сына, но и по воскресении Его, была единое острое оружие, которое проходило и с каждым днем снова поражало душу Ея. И что же, глас ли болезненного ощущения слышится из уст Ея? Нет; слово смиренного Богопоклонения: *Се раба Господня...* Пример Ея терпения привел целые сонмы верных душ ко Христу. Не одна мученица Иустина, как свидетельствует святой Григорий Богослов², желая среди скорбей мученичества сохранить чистым свое девство, просила покровительства Пречистой Приснодевы: все добре страдальчествовавшая и подвизавшаяся души, вслед за Нею, принесли Царю Христу, как чистую жертву, свою девственную веру и целомудренную жизнь.

Что еще остается сказать желающим не постыдно кончить подвиг духовного уневещения? – Ждет юная дева себе жениха, но не знает, когда будет брак ея; обручена христианская душа Небесному Жениху, но не знает, когда отверзется пред нею дверь смертная, и далее дверь брачная. Для чего же опущен на духовныя очи наши этот мрак неведения? Да подражаем девам мудрым, которыя не допустили, чтобы светильник их бдительности и чистоты угас до сретения Жениха. «Бдите убо, яко не весте дне, ни часа, в оньже Сын Человеческий, Небесный Жених, придет" (Мф.25:13). Аминь.

Слово на день Успения Пресвятой Богородицы

«Яко сотвори Мне величие Сильный» (Лк.1:49).

Из всех праздников в честь Богородицы с большею торжественностью воспоминается и празднуется Ея славное Успение. Довольно припомнить то, как много в православных странах храмов и обителей, именуемых «успенскими», и еще то, что праздник Успения предваряется двухнедельных постом, в честь Пресвятой Богородицы установленным. Также и песнопения церковныя, если сличить их с прочими, для других праздников Богородичных сложенными, имеют преимущество всемирной радости и небесной торжественности: «Твое славят успение силы и херувимы, и страшнии серафимы; радуются земнороднии, припадают царие, со архангелы и ангелы»³.

Основание, почему Успение Божией Матери торжественнее других праздников Ея, можно усматривать в преимущественной важности сего события, которое окружено было чудесами. Иные праздники в честь Богородицы служат воспоминанием отдельных из Ея жизни обстоятельств. Но в Успении венец и слава всей Ея жизни: тогда верующим ясно было открыто, что Приснодева Мария есть Царица неба и земли; в Ея смерти явилась поразительная, но и вместе весьма стройная и соответственная противоположность с Ея жизнью: Ея глубокое смирение покрылось божественным величием, Ея скромная земная доля пременилась в небесную славу, и Ея слава боголепная богоподобными возсияла чудесами. При жизни Сына Своего, Она редко являлась при Нем, и когда являлась, в делах Его почти не допускала участия, и даже слышала предостережение: «что мне и тебе, жено» (Ин.2:4)! А в минуту Ея кончины, Сам Он идет, окруженный силами безплотными, сретить и принять Ея душу из Ея тела, от которого Сам восприял человеческую плоть. В жизни Она любила уединение и простоту: на Ея торжественную кончину стеклись к Ней Апостолы, путями воздушными на облаках несомые, и дом Иоанна Богослова, у которого Она жила, был приготовлен и украшен, как для необычайнато торжества и, быть может, как никогда прежде. Во время Ея жизни струя силы чудотворной едва проторгалась из глубины Ея смирения: но бессмертный гроб Ея был источником исцелений для веровавших, и грозных чудес для устрашения неверовавших. В успении Ея, и вместе воскресении, по прекрасному выражению песни церковной, «стечется чудо в чудеси». Тогда знаменательно и торжественно начало исполняться пророческое слово Божией Матери: «Сотвори Мне величие

Сильный».

В примере Божией Матери уясняется и для нашей жизни, значение смерти. Ея достоправная кончина была подготовлена смиренною жизнью. Так ли мы смотрим на свою жизнь, как на время и на средство для приготовления к непостыдной кончине? – Обыкновенно люди каждый день в своей жизни усиливаются обратить в новый случай для себя испытать удовольствия жизни. Обыкновенно думают, что наслаждение жизнью есть победа над смертью, что думать о смерти значит прежде смерти умирать. Но вернее сказать, что христианская кончина есть венец жизни, что «живот предобручает смерть»⁴, то есть, что смерть для праведника служит залогом блаженной вечности, дверью того полного успокоения, котораго напрасно душа стала бы искать на земле. Если жизнь человека есть сцепление его действий многосложных, иногда сокровенных, не редко и запутанных: то смерть есть развязка сих узлов, оценка истинных заслуг. Не бывает ли на этом свете, что жизнь иного человека промчится, как шумная колесница, окруженная пылью, след которой быстро разносит ветер? Напротив, иной трудится скромно, служит обществу по долгу и совести, безмолвно, без провозглашений о себе: а между тем, его дела так прочны, что несокрушит их и разрушительное время, его имя так почтенно, что и далекие потомки будут благословлять его. Добросовестный труженик подвизается не для того, чтобы всем угодить, и от всех заслужить похвалу, а потому, что он всегда готовится, как за свою жизнь отдать ответ Богу. Многие по суду человеческому умели жить хорошо; но по суду христианскому тот истинно мудр, кто сподобится умереть хорошо, неосужденно и непостыдно. Если всякое дело украшается концом: то не более ли должно нам заботиться и принять меры, чтоб труд нашей жизни украсился христианской кончиной? – Для этой цели один святой подвижник дает такой совет: «Помни всегда о твоём исходе, и не будет греха в душе твоей»⁵. Аминь.

Слово в день празднования Курской иконе Знамения Пресвятыя Богородицы

«И рече Господь к Моисею: доколе преогорчевают Мя людие сии? И доколе не веруют Мне во всех знамениях, яже сотворих в них?» (Чис.14:11).

Кому из жителей сего града и здешняго края не известна икона Знамения? – Но всякому ли известно, почему она так называется?

Не бесполезно для незнающих изъяснить, а знающим напомнить, что означает и что нам внушает это название.

Икона Знамения весьма древняя. На ней изображены Богоматерь, молитвенно подъемлющая длани, и на лоне Ея Предвечный Младенец. Икона сия первоначально прославилась в Новгороде, где стояла в церкви всемилостивого Спаса. Во времена удельных междоусобий, в двенадцатом веке, соединенныя войска нескольких князей подступили к Новгороду. Осажденным жителям его угрожала гибель неизбежная. В одну ночь тогдашний новгородский архиепископ услышал голос, повелевающий ему взять эту икону и вознести на городскую стену. Объявив гражданам видение, он послал священнослужителей за иконою, а сам в соборе начал молебен; но посланные скоро возвратились, и с ужасом поведали, что она не двигалась с места. Все отправились в ту церковь, и в горьких слезах стали пред образом совершать молебствие. Когда запели: «Предстательство христиан непостыдное», икона заколебалась. Народ взывал: «Господи помилуй», а святитель принял икону на свои руки. Принесли ее на городовое укрепление, и там поставили ликом против неприятелей. Тучи стрел носились над осажденными. Одна стрела вонзилась в икону: тогда лик Пречистой Девы обратился к городу, и из очей Ея слезы падали на ризы святителя. В умилении архиепископ воскликнул: «Царица! Ты даешь нам *знамение*, что так прилежно молишься об избавлении нашем!» Вслед за сим в войсках неприятельских произошло смятение: враги стали поражать друг друга и обратились в бегство. От сего события усвоено иконе имя Знамения, и учрежден праздник в двадцать седьмой день месяца ноября.

Спустя более ста лет после сего события, в здешней окрестности, один зверолов нашел в лесу образ и, подняв его, увидел, что это икона Знамения. На том месте, где она лежала, показался источник воды. Слух о сем обретении привлек множество народа; а последовавша чудеса подтвердили, что икона чудотворная. На месте Ея явления построена была

часовня, и приставлен священник. Но вскоре крымские татары часовню сожгли, икону разсекли на две части, а священника увели в плен. Выкупленный потом из плена, он возвратился на место, где была часовня, и к удивлению нашел там обе половины раздвоенной мечем иконы. Он сложил обе части, и оне мгновенно срослись в одну целую доску. Малая и тонкая черта раздвоения, донныне с одного конца видимая, служит свидетельством, что икона была разделена, но что части ея не искусственным способом, а сверхъестественною силою совокупились воедино. Это разъятие и соединение иконы Курской также осталось навсегда Ея знамением, как слезы были знамением иконы Новгородской.

Есть люди, которые на сии и подобныя повествования священныя набрасывают тень темного предания, и мало верят им. Доказательства истины, совершенно успокоительныя для верующих, нисколько не удовлетворяют неверующих. Но как гибельно такое неверие, достаточно указать на один опыт в судьбах еврейского народа.

Исход этого народа из Египта был почти непрерывным рядом чудес. Однакожь Израильтяне, скучая постною пустынною пищею и воздыхая о египетских мясах, стали роптать на Моисея и на Бога. Несколько успокоенные, уже подходили они к земле обетованной. Но чревоугодие и чувственность постепенно повергают человека в малодушие и неверие. В виду земли, текущей медом и млеко, вероломный народ колеблется мыслию, не лучше ли опять возвратиться в Египет, в землю рабства? Тогда Господь говорит Моисею: «Доколе будет пренебрегать Меня народ сей? И доколе не будет Мне верить при всех тех знамениях, которыя делал Я среди его?» Сколько после сего упрека ни ходатайствовал Моисей за свой народ, Бог народов и вождей изрек свой приговор: «Все, которые видели знамения Мои в Египте и в пустыне, ...и не слушали гласа Моего, не увидят земли обетованной; ...все пренебрегшия Меня, не увидят ея» (Чис.14:22–23). И действительно, все, вышедшие из Египта, кроме двух человек, положили свои кости, во время сорокалетнего странствования в пустыне.

Остережемся, как бы не случилось что-либо подобное и во время нашего земного странствования. Много в нашем отечестве было знамений и чудес; бывали оне и в наши дни. Знамения сии внушают нам чтить истиннаго Бога, который есть «один, творяй чудеса» (Пс.76:15). Если кому и не вполне известны подробности и доказательства, как совершилось то, или другое чудо; во всяком случае лучше веровать, исжели не веровать. Ибо вера есть опора души и основание надежды; а неверие есть разрушение спасительных убеждений и путь к отчаянию. Кто верует

всему, что Бог сказал и сделал, тот с упованием прибегает и к заступлению Пречистой Богоматери, и спокойнее смотрит на свою будущность. А какая будущность, в ком и в чем успокоение для тех, для которых, чрез неверие, все погибло?

Итак недостаточно знать, что существует икона Знамения; а надобно верить, что это есть действительно знамение Божией благодати (Пс.85:17), воздвигнутое среди нас для ободрения нашей надежды, для руководства нашего ко спасению.

В таком духовном устроении, «честного Твоего образа знамение празднующе, Богородительнице, верую Тебе взываем: Радуйся, Дево, христиан похвало» (Конд. праздн.)! Аминь.

Слово на день Казанские иконы Пресвятой Богородицы (22 октября)

«Возсияет вам, боящимся имене Моего, солнце правды и исцеление в крилех его» (Мал.4:2).

День явления Казанской иконы Божией Матери, как известно, празднуется в июле месяце. Нынешний же праздник в честь сей иконы установлен по особенному случаю.

Во времена самозванцев и несколько после, Россия страдала от внутренних беспорядков и раздоров. Враги отечества, пользуясь смутами, хотели подчинить его Польше. Уже в Москве своевольно распоряжались иноземцы. Но любовь к отечеству возбудила верных сынов его ополчиться за него. Дружины разных городов соединились под предводительством князя Пожарскаго. Этот вождь всегда имел при себе икону Божией Матери Казанскую. Веруя в Ея помощь, он победил врагов, и в самый нынешний день очистил царствующий град Москву от нашествия иноземцев и крамольников. Все сие было два с половиною века назад.

Не своею силою и искусством защитники отечества получили тогда успех: воинство было малое и вооружение малонадежное. Но предки наши были богобоязненны, и упованием на помощь Божию сильны. Движимые все одним чувством благочестия, они прежде всяких приготовлений к брани, наложили на себя пост и обратились с молитвою к Господу и к Пречистой Его Матери. И совершилось с ними то, что чрез пророка предрек некогда Господь народу своему, скорбевшему в бедствиях, но веры и надежды не оставлявшему и в покаянии о помощи свыше вздыхавшему: «возсияет вам боящимся имене Моего, солнце правды, ...и поперете беззаконники, и будут пепел под ногами вашими» (Мал.4:2–3). В воспоминание и веры наших предков и чудной помощи свыше, какой сподобились они, в одном песнопении нынешняго праздника возвещается: «Источает неоскудныя милости Пречистая Богородица, предваряет на помощь, и избавляет от всяких бед и зол, благонравныя и богобоящияся рабы Своя» (Кондак праздн.).

Люди поставляют в честь и гордость принадлежать к такому обществу, которое свою деятельность выражает в каких-либо трудах, примечательных и полезных в жизни гражданской. Не более ли нам чести принадлежать нашему отечеству, которое потому и именуется «православным», что хранит в себе неприкосновенно веру и благочестие предков и много над собою видело знамений милости небесной. Кто хотя

мало знаком с летописями отечества нашего, то знает, как многократно чудесным образом оно избавлялось от врагов. Это нас обязывает служить отечеству, на каком бы поприще и месте каждый из нас ни был поставлен. А если б иному и никакая должность не досталась, может служить обществу и его пользам своими пожертвованиями, или иным содействием и наконец тем, что всякому доступно, – своим благонравием. Судьба народа Божия нам показывает, как от доброй жизни семейств, от благонравия частных лиц зависит благоденствие целой страны. Иудеи, доколе были верны Богу и Его закону, благоденствовали; а после того, как оставили Бога и не уверовали в Единородного Сына Его, разсеяны по всему свету.

Иные, нерадя о чистоте совести, и между тем впадая в несчастия, притекают к Богородице, молятся пред Ея святою иконою; но не видя избавления от зол, приходят к недоумению, готовы усумниться в чудодейственной силе святыни. Таким людям надлежит подумать: какая земная мать может быть приветлива и внимательна к лицам, которых оскорбляют ея сына? – будет ли и небесная Матерь наша милостива к жестокосердым и порочным, которые дурною своею жизнью попирают закон Божественного Сына Ея? Надобно различать веру и неверие, порочность и слабость, беспечность и покаяние. Отвергает Матерь Божия неверующих, гордых и развратных; приемлет притекающих к Ней «умиленною душею и сокрушенным сердцем», и заботящихся об исправлении жизни своей.

Будем готовы на молитву; потщимся на покаяние. Сохраним добрые нравы, – и можем надеяться, что, как крылами, Матерь Божия будет покрывать нас благодатию святых икон Своих. Аминь.

Слово в день трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (1-е)

«А имена их живут в роды» (Сир.44:13).

Празднуем ныне трем святителям, из которых каждый, кроме своего имени, носит свое отличительное название. Когда же и почему названы: Василий – Великим, Григорий – Богословом, Иоанн – Златоустым?

Имя «Великаго», когда еще был в живых святой Василий, соделалось собственным именем его: уже современники называли его мужем «истинно великим»⁶. Название сие основывается на словах Христовых: «иже сотворит, и научит, сей велий наречется» (Мф.5:19). Не длинна была жизнь святого Василия (он жил около пятидесяти лет); но была обильна делами благочестия, и не обыкновенно велика сила души его. Довольно припомнить здесь то, что говорил он сильным земли. Валент требовал от него покровительства арианству; Василий отвечал: «Когда идет дело о Боге, все прочее для нас ничто. Огонь, меч, звери, железныя когти скорее радость доставят нам, нежели повергнут в ужас»⁷. Как действия святого Василия отличались необыкновенною твердостью: так в его учении всегда выражалось духовное, благодатное величие. Ученые Греки о нем отзывались: «Если кто другой обладает языком чистым и величественным: Василию нужно отдать преимущество. Убедительность соединяет он с приятностию и ясностию. Речь его так обильна и плавна, как ручей, свободно вышедший из своего источника»⁸. Полный пламенной любви к Богу и благоговейного удивления к красотам природы, он утверждал и в окружавших его чувство благоговения к Богу, истинной веры и любви к ближним. Писания святого Василия бессмертныя и живительныя, как и его дела, утвердили за ним название Великаго.

Святого Григория, также издревле, Церковь почтила именованьем Богослова, приближая его по духу к высокому между апостолами Иоанну Богослову. Ибо как созерцание сего Евангелиста проникало дальше других умов в глубины Божества, и преимущественно было обращено к Предвечному Слову, Божию Сыну: так и святитель Григорий, превосходя современников глубокомысленным постижением догматов православия, подробно, против современных ересей, изложил чистое учение о единосущии Сына Божия с Богом Отцем и Святым Духом. Богословствование Григория служило руководством для последующих, православных богословов. Так Иоанн Дамаскин, пользуясь его словами, составил «изложение веры» и самыя вдохновенныя песнопения, каковы

например ирмосы на Рождество Христово: «Христос рождается, славите!» Григорий Богослов был ученнейший муж своего времени; но всю свою ученость обратил к Богомыслию и на защиту Православия. На седьмом вселенском соборе он называем был «соименником богословия».

Почему святой Иоанн прозван Златоустым, легко может догадаться и тот, кто не знаком с его творениями. Очевидно, уста златые служат означением изящества речи. Есть предание⁹, что одна женщина, слушая проповедь его, в восторге воскликнула: «О златоустый! Кладязь твоего красноречия глубока; а вервь моего разумения коротка». Если последняя половина сего восклицания свидетельствует о смирении христианки, слушавшей Златоуста: то первая часть сего отзыва верно указывает на глубину и силу его красноречия. Его учение так привлекательно и неистоцимо, как рудник, который, хотя и много из него извлекают драгоценностей, не перестает быть златосодержательным. Достоинство его слова не только в том, что оно обильно, чисто и изящно, но и в том, что оно для всех и всюду полезно, как золото, которое везде и всегда ценится высоко. Описывает ли он пороки? – Они как будто из жизни нашего общества. Дает ли советы? – Ими очень можно пользоваться и нынешним христианам. Объясняет ли предметы веры? – Делает это так близко к понятиям каждого, так ясно и вразумительно, что неприметно вливает в душу свет истины и теплоту веры. Посему, в честь Златоуста, мы поем: «Уст твоих якоже светлость огня возсиявши благодать, вселенную просвети!»¹⁰

Итак, достойно усвоены ублажаемым ныне святителям высокие их наименования, которых притом они сами не искали. Через сие и нам подается некоторое вразумление. В наше время, иные стараются присвоить себе почетные названия незаслуженно и напрасно; хотят почитаться образованными, имея самый поверхностный взгляд на предметы высшей важности; любят говорить о своих обширных занятиях и неутомимом трудолюбии, тогда как все делают чужим умом и чужими руками; бывают даже такие, которые желают прослыть благочестивыми, не касаясь и перстом бремени подвига, не зная на деле ни молитвы, ни поста. Не так определил Бог от начала мира: прежде из ничтожества явились создания, а потом наречены им имена. Подобное сему и в круге жизни человека: прежде он должен что-либо доброе и примечательное создать, а доброе именование, рано или поздно, само придет к нему. Но еслиб и совсем общественная молва не оценила подъятых нами трудов: разве мы должны трудиться только для почетных отзывов и высоких именовании? Христианство славно не по названиям и земным почестям, а

по чистоте веры и святым делам. Не тот велик, кто здесь таков; но тот, кто «великий наречется в царствии небесном». Аминь.

Слово в день трех святителей (2-е)

«Отче Святыи! ...Их же дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы» (Ин.17:11).

Праздник во имя трех вселенских учителей и святителей учрежден по особенному, весьма примечательному обстоятельству. Вскоре после их кончины между православными читателями их великих подвигов, заслуг и чудес нередко возникал вопрос: который из трех святителей больше и выше? Распря об их достоинстве возрасла наконец до того, что чрез несколько веков, произошло решительное разделение в обществе христиан, и одни начали называться Василианами, другие Григорианами, третьи Иоаннитами. Тогда, в отклонение такого соблазна, сами святители, все трое вместе, явились Иоанну, епископу Евхаитскому, и сказали ему: «Все мы имеем у Бога равное достоинство. Объяви христианам, чтобы оставили спор относительно сего. Как при жизни более всего мы заботились о единодушии, так и по преставлении нашем более всего желаем единомыслия верующим. Установи для нас один общий праздник». Праздник установлен; спор давно прекращен, и мы ныне триех святителей, «яко апостолам единоправных» и между собою единоклестных, призываем, на молитвенное ходатайство, «да дарует Господь мир вселенней и душам нашим велию милость» (Троп. праздн.).

Но повод к установлению сего праздника показывает нам, как иногда далеко может простираться у людей честолюбивый образ мыслей. Любя здесь на земле превосходство пред всем окружающим и первоседания на сонмищах, оно и в царстве небесном хочет разместить небожителей, по своему на них воззрению, и, в чем ограничил некогда Сам Спаситель Иакова и Иоанна, то оно позволяет себе решать, определяя, кому восседать одесную, и кому ошуюю во славе Небесного Царя (Мк.10:37).

Правда Сам Спаситель сказал, что в дому Отца Его обители многи суть, следственно есть разность между теми, кому оне уготованы. А апостол изъясняет это тем подобием, что как звезда от звезды разнствует в сиянии, так и души праведных пребывают на различных степенях небесной славы (1Кор.15:41).

Но Сам же Спаситель и объяснил нам сию разность небожителей и их обителей; Сам Он, молясь к Богу Отцу о верных Своих последователях, просил: «да будут едино, якоже и Мы; ...да будут они во Мне и Аз в них» (Ин.17:11, 21). Посему и апостол присовокупляет, что в будущем веке «будет Бог всяческая во всех» (1Кор.15:28). Такое соединение всех в Боге и

во Христе совершению не благоприятствует честолюбивому предположению о первенстве и превосходстве, в нашем житейском и суетном смысле сего слова. Здесь на земле один возвышается, другой падает; там на небе все возвеличены будут, и никто не будет унижен. Здесь почесть иногда омывается слезами раскаяния и несчастий; там отрется «слеза от очию каждого и ни для кого плача ...не будет ктому» (Откр.21:4). Здесь на благополучие и предпочтение одного другой, сверстник его смотрит черным оком зависти и отравляет покой его; там при полном довольстве не будет зависти и взаимным сорадованием будет каждый приумножать собственное блаженство свое. Как в полном свете нет мрака, так во свете лица Божия никто не почувствует ни темноты, ни лишения чего-либо в душе своей. Если будет тогда разность между небожителями; то преимущественно в глубине, или обширности их приемлемости. Источник блаженства один для всех; но каждый будет почерпать из него столько, на сколько приуготовил к тому здесь и предочистил сосуд души своей. Представим текущий из горы кладезь чистой воды, и два сосуда, большой и малый, наполненные этою водою: в кладезе от того умаления нет; живая вода не удержимо стремится оттуда, и сосуды могли бы черпать еще чистую влагу; но они, от полноты, вмещать более не могут, и меньший хотя вместил менее, но также полон, как и больший. Вот некоторое подобие того, что́ ожидает праведных на небе. Источник блаженства неизсякаем: но каждый будет почерпать по мере своей духовной приемлемости; все будут полны блаженства, хотя будут различаться по степеням славы.

И так, только на небе истинный покой и полное наслаждение. Туда будем стремиться чистою мыслию и непорочною жизнью, да «сподобимся со всеми святыми в вечной славе Христа Бога царствовать». Аминь.

Примечания

- ¹ - Тертуллиан.
- ² - Творения, ч. II, стр. 255.
- ³ - Стихира праздника Успения, на «Господи воззвах», 3-я.
- ⁴ - Канон праздника, ирмос 9-й.
- ⁵ - Достопамятныя сказания, авва Евагрий, гл. 4.
- ⁶ - Григорий Богослов в похвальном слове ему.
- ⁷ - Творения Григория Богослова. Ч. IV, стр. 105.
- ⁸ - Об отцах Церкви. Том. II, стр. 133.
- ⁹ - У Метафраста.
- ¹⁰ - Тропарь Святителя.

Содержание

Проповеди митрополит Сергей (Ляпидевский)	1
Грехопадение Петрово. Слово в Великий пяток	2
Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы	4
Слово на день Рождества Христова (1-е)	8
Слово на день Рождества Христова (2-е)	11
Слово в праздник Сретения Господня	15
Слово в Неделю ваий	18
Слово во вторник Светлой седмицы	20
Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы (первое)	23
Слово на день Успения Пресвятой Богородицы	27
Слово в день празднования Курской иконе Знамения Пресвятыя Богородицы	29
Слово на день Казанские иконы Пресвятой Богородицы (22 октября)	32
Слово в день трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (1-е)	34
Слово в день трех святителей (2-е)	37
Примечания	39